

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА
о диссертации **Гриковой Ольги Александровны**
«НАРРАТИВНАЯ ИНТРИГА
В СОВРЕМЕННОМ ОТЕЧЕСТВЕННОМ РОМАНЕ»,
представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук
по специальности 5.9.3 – Теория литературы

Нарратология сегодня стала не только одним из самых продуктивных направлений современного литературоведения, но и технологичным инструментом литературоведческого анализа. В этом убеждают работы исследовательской школы, к которой принадлежит автор диссертации. Вышедший недавно «Гезаурус исторической нарратологии» представляется картой, на которой нарратологи отображают новые освоенные территории. И О.А. Гримова прокладывает собственный путь (как и подобает в докторской диссертации) по территории современного отечественного романа.

Представленная к защите диссертация являет собой новый шаг и в исторической нарратологии, и в изучении современного литературного процесса. Научная новизна работы О. А. Гриковой в том, что она решает **актуальную историко-литературную** задачу: системного изучения отечественного романа XXI века. Нов уже сам материал исследования, но прежде всего - заявленный О.А. Гриковой **теоретический подход**: изучение не столько креативного, сколько рецептивного аспекта в акте наррации. Этот подход актуален и адекватен для анализа современных текстов, где именно инстанция читателя становится фактором, определяющим успешность коммуникативного эстетического акта.

В теоретическом плане диссертация решает важную жанрологическую задачу: предлагает модель научного описания современного романа через категорию нарративной интриги. Последняя рассматривается как результат общей нарративной стратегии, влекущей в качестве тактики интригу - конфигурацию повествования нарратором в его стремлении поддерживать читательскую заинтересованность. Предлагая эту **методологию** анализа

текстов через исследование типа интриги и выдерживая ее на протяжении объемного анализа десятков текстов, О.А. Гримова приближает тайную мечту любого представителя гуманитарных (не точных, не естественных) наук: поверить гармонию алгеброй, найти способ системного описания художественных текстов с помощью проработанного, измеряемого и логически понятного инструментария.

Научная достоверность и обоснованность результатов исследования обеспечивается прежде всего тем, что диссертантка опирается на широкую теоретическую базу – на идеи П. Рикера, В. Шмида, М.М. Бахтина, В.И. Тюпы и др. О.А. Гримова выводит понятие интриги из сфер сюжетологии и характерологии, вслед за Рикером понимая интригу в ее онтологической сущности - как средство художественного осмысления человеческого опыта пребывания во времени. Важна идея Рикера о том, что конфигурирование интриги направлено на воспринимающее сознание, на интеллигибельность завершенной истории. Именно эти пролегомены обсуждаются во **Введении** диссертации.

Первая, теоретическая, глава диссертации **«Интрига как нарратологическая универсалия»** обосновывает концепцию «нарративной интриги» в ее генезисе и интерпретационных возможностях. Логика обзора движется как история вопроса (от рецептивной эстетики к когнитивистике) и от общего к частному - от общего очерка о нарратологии к проблеме нарративной интриги. Здесь, в частности, интересно обсуждается категория *интересного*, убедительно обосновываются такие составляющие, как *маршрут*», что закладывается в тексте, а достраивается в сознании читателя, *схематизация* как условие понимания реципиентом. В этой же главе исследовательница предлагает свое понимание интриги, продолжая концепцию В.И. Тюпы. Его типология базовых интриг достраивается в следующих главах.

Впрочем, во **второй главе «Повествовательная структура и жанровое своеобразие современного романа»** диссертантка пишет не

столько о нарративных интригах, сколько об общих писательских стратегиях современного романа, о новых конвенциях повествовательной организации. По существу, здесь создается коммуникативная модель современного романа и обозначаются существенные его черты. Это нелинейность - особого характера, отличная от западного романа (условно Павича, говорит диссертантка, хотя Павич не совсем западный автор). Это паннарративность - смещение акцента с события рассказа на событие рассказывания, причем это событие не зависит от субъектов говорения, которые становятся неразличимыми (что очевидно в романах Шишкина). Это «актуализация диалогического потенциала жанра» (с. 168 диссертации), смешение мифопарадигм (с. 139) в авторском мономифе, сочетание фикционального и нефикционального, эссеизм и другие важные черты, зорко увиденные в романах М. Шишкина, Л. Улицкой, М. Палей, А. Старобинец, А. Рубанова.

О. А. Гримова приходит к выводу о дедуктивной стратегии автора в современном романе. Дедуктивность автора снижает активность героя. «Герой, которому сюжетно предписана роль бунтаря и оппозиционера, занимает позицию жертвы, лишается функции противостояния системе, <...> теряет энергию речетворения, прерогативу произнесения значимого слова» (С. 20 автореферата). Писатель компенсирует слабость героя и фабулы на иных уровнях романного повествования. В арт-романе М. Палей – медиакодом, но чаще обращением к протолитературным архитектурно прочным структурам: к мифу, житию, притче. С этой же целью используются традиционные субжанры (эпистолярный, робинзоида, антиутопия и др.), которые, по наблюдениям диссертантки, теперь актуализируются не в действии, а в ментальном плане, в робинзоиде герои Шишкина и Водолазкина осваивают не новое пространство, а новое время.

Здесь автор диссертации выходит за пределы своего задания и дает значимое объяснение общему состоянию современного романа: очевидна его инволюция к собственным предтечам - протороманным жанрам.

Третья глава диссертации «Нарративная интрига как ключ к поэтике современного романа» посвящена, как говорится в диссертации, «рассмотрению рецептивных программ, направляющих восприятие актуального нарратива». Поскольку диссертация защищается по теории литературы, логичным представляется принятый исследовательницей подход, работающий во второй и в третьей главе. В текстуальном изучении каждого отдельного романа О.А. Гримова выявляет доминанту. Собранные вместе, эти доминанты впоследствии формируют матрицу нарративных интриг современного романа.

Все мы любим типологии. Они успокаивают - как любая классификация, упорядочивают мир. В третьей главе автор выстраивает типологию романной интриги в современном российском романе. Тонкий и точный анализ, проведенный в диссертации, приводит к выводу об иерархии исторически сложившихся на сегодня романских интриг. Аргументированно выявлено четыре типа интриг, по-разному конфигурирующих событийность человеческого опыта. Три из них (рекреативная, энигматическая и интрига наставления) всегда выступают в современном романе в «сильной позиции»: появляясь в тексте, они подчиняют интриги других типов; авантюрная же интрига во всех рассмотренных текстах «субдоминантна».

Рекреативная интрига удачно рассмотрена на примере романа «Юрия Буйды «Синяя кровь», где действительно романная (основанная на биографии) интрига подчинена стратегии сказания и мифа. Энигматическая интрига в современном ее бытовании видится исследовательнице как организующая внутренний опыт человека, самопознание и самоидентификацию. Романы Водолазкина убедительно проанализированы как цепь энигм-загадок, раскрывающих человеческую природу. Доказано, что дидактическая интрига, реализуемая в притчеподобном повествовании романов Водолазкина, определяется императивной картиной мира. Интрига наставления (в Лавре - житийная) доминирует над характерной для романа

любовой интригой, интригой становления. Анализ конкретных текстов выполнен порою просто блестяще. Особенно это касается разборов романов Водолазкина – здесь не только прослежены схема и маршрут интриги, но наиболее детально прослежена ее эпизодизация. Важно, что исследовательница находит в современном романе *систему* интриг: императивная картина мира (заданная сказанием, притчей, житием) определяется чаще рекреативной макроинтригой судьбы, а герой подчиняется интриге романной – энигматической, редко авантюрной.

В «Заключении» емко подводятся итоги работы и выявленные интриги рассмотрены на новом уровне: как способы реализации основных свойств современного романа.

Остается сформулировать некоторые замечания, вопросы и уточнения, что могли бы прояснить позиции автора диссертации в ходе защиты.

1. Представляется, авантюрная интрига оттеснена на периферию литературного процесса не только естественным литературным развитием, но еще и волей автора диссертации. Романы А. Понизовского – не самый репрезентативный пример авантюрной интриги, писатель как раз заведомо воплощает тенденцию к интриге слова, в другом его романе «Обращение в слух» герои, как в «Декамероне», только и делают, что рассказывают друг другу истории. Вообще в диссертации рассматривается литература авангардная или элитарная, а не массовая, формульная. В последней авантюрная интрига, несомненно, занимает более важное место. И даже если в конечном счете приключение и нарушение порядка в массовой литературе (в детективе или фэнтези) тоже завершается восстановлением нормального хода жизни как общего достояния, читатель ждет от массового текста именно приключения. В этой связи возникает вопрос не только про массовую литературу, а может быть, как раз авангардную: достаточно ли понимать под интригой только тактику приведения к заведомо определенным твердым нарративным стратегиям? Могут ли тактики

приводить к изменениям стратегии, к новым стратегиям?

2. Думается, стройная система, выстроенная автором диссертации, не учитывает какой-то еще тип интриги, обусловленный картиной мира. Часть разобранных в работе текстов не полностью подчиняются железной логике диссертантки. Так, роман Славниковой «2017» интерпретируется как торжество рекреационной интриги, и это справедливо в части присутствия в нем мотивов Судьбы. Но разве его финал не ведет к изменившемуся состоянию мира? Напомню, в романе историческая юбилейная реконструкция событий 2017 года нечаянно перерастает в революцию, неизбежной видится и экологическая катастрофа. (Или революция и катастрофа и есть наше вечное сказание, императив, до которого герой (и мы все) должны неизбежно дорасти и совпасть с предначертанным?) Состояние разрушенного мира и невозможность попыток его собрать видится нам своеобразной интригой и в романах М. Шишкина. Мир «Взятия Измаила» и «Венерина волоса» - взорванный мир. В романе Улицкой «Даниэль Штайн, переводчик» он взорван буквально, взрыв в автокатастрофе уничтожил Даниэля Штайна, переводчика-медиатора между культурами и религиями. А Даниэль и есть мир – и да, все говорящие (пишущие) персонажи в романе воссоздают его образ словом. Определение «большой взрыв» часто звучит у Шишкина. Может, адиантум венерин волос зазеленеет при почти любых обстоятельствах, а в «Письмовнике» Шишкина сказано, что все линии сойдутся когда-нибудь в одной точке. Но это «когда-нибудь» совершается вне текста, в тексте же мы видим разорванную картину мира, рассыпанный универсум. Слово «хаос» в описании романских миров часто употребляет диссертантка. Хаоса немало и в тех текстах, от которых отгородилась (и это ее право) О.А. Гримова на старте работы, очертив территорию своего исследования романами «неомодернизма», оставив в стороне романы «канонического» постмодернизма в изводе Пелевина и Сорокина. Да, в диссертации освоен огромный материал, невозможно проанализировать всю современную литературу, но все-таки, кажется, и в рассмотренной

существует нарративная интрига, воспроизводящая запрос адресата, представляющего современный мир как хаос. Не берусь именовать эту интригу (диссертантке виднее), вопрос даже не в этом.

3. Вопрос в следующем. Если я – интригуемый читатель, а моя читательская интерпретация отличается от интерпретации О.А. Гримовой, что это говорит об интриге? Интрига отражает рецепцию идеального читателя или имплицитного, в терминологии В. Шмида? А как быть с читателем конкретным? Пойдет ли нарратология на контакт, например, с когнитивной психологией в изучении реального читателя или ее территория всегда будет ограничена нашей счастливой игрой бисером букв в тексте?

Высказанные соображения обусловлены живым интересом к материалу, потребностью внутривидеодиалога и не умаляют достоинств работы. Автореферат отражает содержание диссертации, положения, вынесенные на защиту, аргументированно доказаны, список опубликованных трудов свидетельствует о глубине проработке проблемы. В целом диссертационная работа О.А. Гримовой представляет собой завершенное, высоко профессиональное исследование, вносит значительный вклад в литературоведение.

Теоретическое значение диссертации состоит в развитии представлений о категории нарративной интриги, результаты работы можно операционально использовать в дальнейших исследованиях. Кроме того, продемонстрировано функционирование этой категории в исторической перспективе (сложнее всего посмотреть на современность в ракурсе истории) и в трансисторическом диалоге. Ценным представляется выявление широкого спектра нарративных техник современного романа: типы эквивалентностей, редупликация, ритмизация в членении повествования на эпизоды и т.п.

Практическое значение диссертации в том, что она создает эффективный инструментарий анализа текстов; некоторые аналитические этюды и выводы «просятся» в учебные пособия. Монография О.А.

Гримовой, признаюсь, уже была использована автором этих строк в работе с аспирантами.

Диссертация соответствует требованиям пунктов 9 - 14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 года №842, предъявляемым к докторским диссертациям, а ее автор, безусловно, заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности 5.9.3 — Теория литературы».

07.11.2013

Официальный оппонент –
доктор филологических наук (10.01.01 – Русская литература), профессор,
профессор кафедры журналистики и массовых коммуникаций
федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования «Пермский государственный национальный
исследовательский университет»

Абашева Марина Петровна

тел. 89091001863

m.abasheva@gmail.com

AS

Сведения об организации: 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15; федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет»; (342) 239-63-26; info@psu.ru; www.psu.ru

